

АНЬЕС МАРТЕН-ЛЮГАН

*Ты слышишь нашу
музыку?*

AGNÈS MARTIN-LUGAND

*J'ai toujours cette
musique dans la tête*

АНЬЕС МАРТЕН-ЛЮГАН

*Ты слышишь
нашу музыку?*

Роман

*Перевод с французского
Натальи Добробабенко*

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М29

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Мартен-Люган, Аньес

М29 Ты слышишь нашу музыку? : роман / АНЬЕС МАРТЕН-ЛЮГАН ; пер. с франц. Н. ДОБРОБАБЕНКО. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2018. — 416 с. (Счастливые люди).

ISBN 978-5-17-088755-2

Аньес Мартен-Люган — звезда французского романа, автор бестселлера “Счастливые люди читают книжки и пьют кофе”. За первой блестящей удачей последовали и другие: “У тебя все получится, дорогая моя”, “Влюбленные в книги не спят в одиночестве”, “Извини, меня ждут...”. В мире уже продано больше двух миллионов ее книг, переведенных на 32 языка.

“Ты слышишь нашу музыку?” — история супружеской пары. Едва попав на прилавки, роман оказался в лидерах продаж. Вера и Янис прожили вместе десять лет и любят друг друга, как в первый день. У них чудесная семья, трое очаровательных детей. Их счастье притягивает людей, как магнит. У архитектора Яниса, мечтающего о собственном проектном бюро, появляется новый друг и предлагает финансовую поддержку. Это открывает Янису путь к успеху, но жизнь семьи постепенно разлаживается. Веру начинают тревожить странные совпадения. Однако такой развязки, какую заготовила на сей раз Мартен-Люган, не ожидают ни Вера, ни читатели.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-088755-2

- © Éditions Michel Lafon, 2017
- © Н. Добробабенко, перевод на русский язык, 2018
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018
- © ООО “Издательство АСТ”, 2018
Издательство CORPUS ®

*Вам, Гийом, Симон-Адероу и Реми-Тарику,
вы — мой кусочек рая...*

В душевной жизни одного человека другой
всегда оценивается как идеал, как объект, как
сообщник или как противник.

ЗИГМУНД ФРЕЙД¹

True Sorry
ИБРАГИМ МААЛУФ

1 З. Фрейд. «Психология масс и анализ человеческого
«Я». Перевод Я. Когана, И. Ермакова. (*Здесь и далее —
прим. перев.*)

Пролог

Он пришел, чтобы составить представление об их работе. Понять, можно ли поручить этому архитектурно-дизайнерскому бюро, о котором он все чаще слышал в последние месяцы, реконструкцию недавно приобретенного обветшалого здания. Говорил практически только один из компаньонов, тот, что сидел напротив. Второй выглядел совсем бесцветным на фоне партнера, который его полностью заслони́л. Обычно он предпочитал людей, которые говорят мало и быстро переходят к сути, но речи этого многословного архитектора завораживали, вызывали восторг. Парень демонстрировал врожденную практичность в сочетании с живым умом и творческим духом и был переполнен идеями, одна разумнее другой. Быть может, такое впечатление создавалось за счет его уверенности в себе и непринужденного поведения? Дерзости, лишенной какой бы то ни было заносчивости? Он сам не очень

понимал, почему ему захотелось заглянуть поглубже в этого человека, соскрести поверхностный слой, чтобы проследить истоки этой невероятной харизмы.

После двух часов оживленного обсуждения все трое встали. Он бы охотно еще поговорил с ними, однако пожал им руки, глянув при этом с вызовом на того, кто раздражил его любопытство и чей секрет ему не удалось разгадать. Не время и не место. Все впереди. Архитектор ответил ему спокойной, ободряющей и уверенной улыбкой.

Он закрыл дверь бюро, сознавая, что мяч сейчас на его половине: он потенциальный клиент, а они продавцы. Придет ли он еще? Этого он не знал. Он прошел несколько метров по тротуару, возбуждение не отпускало, первое знакомство ошеломило его. Раньше с ним такого не бывало. Ни одна встреча не вызвала подобной реакции. Он сам организовывал переговоры и оставался хозяином в любых ситуациях — такой была его репутация в деловом мире. Но на сей раз все сбивало с толку. Майский вечер был прекрасным, сияющим, солнце еще не скрылось. Однако, застань он сейчас на улице туманный и холодный январский вечер, он бы ничуть не удивился. Все было не так, как всегда, что-то изменилось. Его внимание привлек идущий ему навстречу веселый, даже, можно сказать, бурно радующийся квартет. Женщина в красном платье в крупный белый горох двигалась, пританцовывая, в окружении троих детей. Она казалась совсем воздушной и шла, будто едва касаясь ступнями тротуара. Сколько же у нее рук? Больше двух, это точно, иначе как бы она их всех удерживала рядом с собой, причем так ласко-

во и нежно? Он был еще далеко от них, но уже слышал щебет детей, которые радостно что-то распевали. Закралось подозрение: вдруг он угодил в параллельное измерение? Последние встречи вызвали сумятицу чувств: сперва архитектор, теперь эта женщина с детьми — из-за них у него будто почва ускользала из-под ног. Семейство проскочило мимо, не удостоив ни единым взглядом мужчину в черном костюме и при галстуке, — он словно стал вдруг прозрачным. И тут какая-то неведомая сила заставила его развернуться и пойти за ними. Он должен проследить за этой четверкой. Необходимо больше узнать о них, жгучее любопытство нужно удовлетворить любой ценой. О мужчине в архитектурном бюро ничего выяснить не удалось, это его раздражало и напрягало. Оставалось хотя бы выведать, куда направляется фея Динь-Динь со своими детьми! Ему не пришлось долго идти за ними: женщина толкнула дверь все того же архитектурного бюро. Дети оторвались от нее и бросились к архитектору. Тому самому. Опять он! Девочка прыгнула ему на руки, а мужчина обменялся ласковыми тычками с обоими мальчишками. Дальше он увидел, как архитектор отпустил их и они побежали к его мрачному компаньону. Он отошел подальше в тень, ни на секунду не теряя из виду происходящее за стеклом, — не хотел упустить даже самой маленькой мелочи. А следом произошло то, о чем он уже догадывался. Мужчина направился к женщине, которая сделала несколько летящих шагов ему навстречу. Он подхватил ее на руки, приподнял и закружил. Она не протестовала и засмеялась, откинув голову. Поставив женщину на пол, он поцеловал ее, потом

потеря носом о ее нос. Незримый наблюдатель осторожно огляделся по сторонам. Только бы его не заметили! Слегка неровное стекло витрины придавало оттенок нереальности сцене, при которой он присутствовал. Он никак не мог оторваться от этих блестящих глаз, смеха, сплетающихся рук, прикасающихся друг к другу пальцев, взглядов, в которых светится обещание счастливого вчера. Женщина поцеловала в щеку серьезного мужчину, и тот просил. Значит, это близкие люди. Семья? Первое впечатление подтвердилось, потому что дети носились повсюду, словно у себя дома, карабкались на высокие рабочие табуреты обоих компаньонов. Проектировщик, привлечший его внимание, освободил большой стол, за которым они совсем недавно беседовали. Как по волшебству, на нем появились тарелки, стаканы, бутылка с газировкой и еще одна с вином. Оставаясь на своем наблюдательном пункте, он усмехнулся и подумал: надо было затянуть обсуждение. Тогда бы ему удалось утолить свое жгучее любопытство. Ну, теперь уже ничего не поделаешь. По крайней мере, не в этот раз. Он бросил последний взгляд на архитектора и на женщину в красном платье в белый горох и покинул свое убежище, нехотя возвращаясь к действительности.

Глава 1

Вера

Когда мы ужинаем в бюро, дети всегда как с цепи срываются. Янис и пальцем не шевельнул, чтобы их успокоить, скорее наоборот. Пока я нарезала роликочным ножом пиццу, он гонялся по офису за Жоакимом и Эрнестом, нашими старшими сыновьями, посадив на плечи четырехлетнюю Виолетту, нашу младшую. Он носился в проходах между столами, издавая звуки, похожие на свист и треск лазерных мечей.

Я сидела за центральным столом для переговоров, который в такие вечера служил нам обеденным, и вдруг поймала взгляд моего брата Люка: крики и шум его явно раздражали, но само зрелище забавляло. Да, происходящее действовало ему на нервы, но он с удовольствием за всем этим наблюдал. Во всяком случае, до какого-то момента.

— Вера, пожалуйста, скажи им, пусть садятся к столу.

Я захихикала и крикнула им:

— Все, хватит, приступаем к ужину! Поиграете после.

Янис обернулся ко мне и широко улыбнулся, а я беззвучно, одними губами, выговорила: “Сейчас у Люка случится истерика, поторопись!”

— Давайте, чудовища, — распорядился мой муж. — Быстрее за стол, а то дядюшка нервничает.

Он неисправим.

— Ты меня достал, Янис, — возмутился брат. — Я выгляжу полным дебилом, когда ты называешь меня дядюшкой.

Довольный своей шуткой Янис устроился рядом со мной, посадив на колени Виолетту. Жоаким и Эрнест уселись по обе стороны от Люка, который сразу наполнил их тарелки. И больше никто друг друга не слышал, хотя все говорили без умолку. Дети с набитыми ртами рассказывали отцу о том, как прошел день в саду и в школе, Люк безрезультатно просил их хоть немного помолчать, а Янис, продолжая внимательно прислушиваться к нашим чадам, делился со мной неожиданно возникшим желанием прихватить палатки и вместе с детьми рвануть куда-нибудь летом. Такого мы еще не пробовали, хотя никогда ничего не планировали и всегда собирались в последнюю минуту. Это было довольно странно, если учесть, что я уже лет десять работаю в турагентстве. И все равно мы оба любили ездить, куда в голову взбредет, ничего наперед не загадывая. Тем не менее я уже готовила для него сюрприз на следующий год, когда ему должно исполниться сорок лет, а нашему браку — десять: я давно начала добросовестно откладывать деньги каждый месяц,

чтобы подарить мужу трехнедельное путешествие со всей семьей на другой конец света. После рождения детей мы ездили только по Европе, хотя мы отчаянные туристы и без страха наматываем километры с нашими тремя малышами.

— Как насчет того, чтобы поспать в палатке? — хитро взглянул он на меня.

— Разве что наши бандиты будут спать в другой.

— О нет, прекратите, не хочу выслушивать ваши фантазии, — прервал нас Люк. — Помолчите. Если не ради меня, то по крайней мере избавьте детей от своих намеков!

— Ну ты зануда! — засмеялась я в ответ.

Люк скривился. А Янис посадил Виолетту на свой табурет, поднялся и стал за моей спиной. Он обнял меня за талию, уперся подбородком мне в плечо и поцеловал.

— С какой стати нам стесняться собственных детей! — провозгласил он.

Брат вздохнул, но постарался сохранить спокойствие.

— И как это меня угораздило вас познакомиться! Знал бы... ни за что бы не стал.

— Это было неизбежно, и тебе это известно! К тому же без нас двоих у тебя была бы смертельно скучная жизнь, — парировала я.

Люк захохотал. А такое, заметим, случается не часто!

Я только-только отпраздновала двадцатипятилетие, когда Люк наконец-то решил представить мне

нового лучшего друга, в котором разглядел компаньона своей мечты. Мне понадобились серьезные усилия, чтобы заставить его это сделать, потому что он ни за что не хотел знакомить нас. В тот период каждая встреча с братом начиналась с рассказов о некоем Янисе. Они пересеклись на стройке, где Люк был архитектором-проектировщиком, а Янис играл роль “мастера на все руки”. Он выполнял практически любые функции, и брата поразил этот самоучка, полный энтузиазма, ничем не заморачивающийся и действительно умеющий все. Оставаясь полной противоположностью, они понимали друг друга с полуслова. Несколько пьянок по случаю сдачи заказа окончательно сблизили их. Я же в этом возрасте думала о чем угодно, только не о создании семьи. Я уже два года работала в турагентстве “тайным гостем”. Мне это безумно нравилось, а когда я возвращалась с другого конца света, проверив, удобны ли матрасы в очередном отеле, я шла в бар с Шарлоттой, которая тоже любила подобные развлечения и к тому же была знатоком значных мест. Понятно, что при таких привычках меня приводила в ужас жизнь брата, который в свои тридцать два года был женат на даме, напроць лишенной эмоций, и являлся отцом двух близнецов. Его рассказы о забавном парне, с которым он иногда встречается и строит планы, пробудили мое любопытство. Я подговорила Шарлотту и ускорила события, предложив Люку выпить с нами и пригласить своего приятеля. Он сдался. Я назначила встречу в баре на улице Оберкампф. Пришел Люк, сквозь зубы поздоровался с Шарлоттой, которую побаивался с самой первой их встречи, уселся за стол

и заказал пинту пива, бросая на меня какие-то странные взгляды: в них сквозила сильная досада, причина которой была для меня загадкой. Вдруг моя лучшая подруга начала вульгарно насвистывать, что обычно делала, выходя на охоту. Пробормотав “Вот и начинается головная боль”, мой брат встал и направился к человеку, который приближался к нашему столу. Он пожал ему руку, и я наконец-то встретилась со знаменитым Янисом, который явился грязным как поросенок, в дырявых джинсах и майке, заляпанной краской. Он чмокнул нас с Шарлоттой в щеку и сел напротив меня. Следующие четверть часа я, не отрываясь, изучала его: голубые глаза, смуглое лицо человека, проводящего много времени на свежем воздухе, плохая стрижка, заразительный смех, доброжелательность, различимая в каждом слове, не слишком чистые руки, покрытые ссадинами. Я встретилась с ним взглядом и улыбнулась ему. После этого мы смотрели только друг на друга. Когда Шарлотта предложила мне пойти повеселиться и перебраться в другой бар, я отказалась.

— Похоже, я потеряла подругу по загулам, — шепнула она мне на ухо. — Главное, не веди себя разумно.

“До скорого, зайчики!” — бросила она и ушла. Я надолго замолчала. Чувствуя себя потерянной и одновременно уверенной в будущем, я слушала Яниса и Люка — они обсуждали какие-то рабочие вопросы — и не пыталась вникать в смысл их слов. Янис постоянно поворачивался ко мне, не прерывая разговора с братом, который, впрочем, тут же поняв, что происходит, неожиданно вспомнил о жене, вынужденной в одиночку справляться с близнеца-

ми, и покинул нас. Наконец-то мы остались наедине и принялись без умолку болтать, он рассказывал о себе, я о себе. Официанты выключили свет на террасе и прогнали нас. Мы долго бродили по Парижу, зашли в маленький ночной клуб, чтобы проверить, на одной ли мы волне и сможем ли станцевать рок-н-ролл. Гармония возникла с первого такта, так что мы остались и станцевали еще и под две латиноамериканские мелодии, следовавшие за рок-н-роллом. Ближе к шести утра мы оказались на площади Сен-Мишель возле только что открывшегося кафе напротив собора Нотр-Дам и заказали завтрак — кофе, апельсиновый сок, тосты с маслом и джемом, которые Янис демонстративно макал в кофе, лукаво косясь на меня. Потом вошли в метро. В пустом вагоне было полно свободных сидений, но мы остались стоять, держась за поручень и не отрывая глаз друг от друга. Янису нужно было пересеживаться на Шатле, так что у нас почти не оставалось времени.

— Когда ты освобождаешься сегодня? — спросил он.

— В шесть. Ты...

— Я найду за тобой. Обещаю быть чистым.

Я расхохоталась. Поезд замедлил ход. Он внимательно заглянул мне в глаза:

— Вера... У меня будто музыка звучит в голове.

— У меня тоже...

Поезд остановился. И он меня поцеловал. Теперь я слышала не простенькую мелодию, а целый симфонический оркестр. Раздался сигнал — двери закрывались. Янис едва успел выскочить из вагона. Вцепившись в поручень, я смотрела, как он уходит

по платформе. В этот момент я четко осознала, что мои планы на будущее только что бесповоротно изменились. Теперь в них не будет никого, кроме него. Последующие события подтвердили мою догадку.

Характерный скрип кольца по стеклу отвлек меня от воспоминаний. Шарлотта не способна ни прийти, когда договаривались, ни обойтись без спектакля. Ее появление всегда обставлено как выход на сцену оперной дивы. Сходство с Моникой Белуччи служит ей дополнительным стимулом, чтобы всегда оставаться в образе капризной знаменитости. Янис пошел открывать дверь. Шарлотта подставила ему щеку для приветственного поцелуя. Затем приняла позу королевы сцены.

— Добрый вечер, зайчики, — промурлыкала она теплым голосом.

Дети помчались к ней. Выставив ладонь вперед, она остановила их и подвергла проверке. Похоже, результат ее удовлетворил, так как она, не обращая внимания на высоченные каблучки, грациозно присела на корточки, чтобы оказаться на их уровне.

— На этот раз родители все же отмыли вас. Давайте, целуйте, — приказала она, указывая кроваво-красным ногтем на свою щеку.

Когда Шарлотта сочла, что требуемая доза нежностей получена, она без церемоний отодвинула их в сторону. Это не удивило и не возмутило ни Яниса, ни меня, ни тем более детей. Мы хорошо знаем нашу Шарлотту. Проблему потенциального материнства она решила раз и навсегда, перевязав

трубы. Она знала, что не сумеет заниматься отпрысками — “моя материнская жилка оборвалась”, любила она повторять. Тем не менее я иногда ловила ее грустный взгляд, останавливающийся на ком-то из наших детишек. Обычно в таких случаях она предлагала оставить их у нее на несколько часов или на выходные. Мягкой кошачьей походкой Шарлотта приблизилась к нам.

— Привет, кузнечик, — обратилась она ко мне.

— Как дела, пантера?

— Я свободна, Тьерри изгнан.

— А я о нем и не слышала.

— Слишком большой зануда, чтобы его обсуждать.

Она громко расхохоталась. Люк, сидевший по другую сторону стола, тяжело вздохнул.

— Наш старичок чем-то недоволен? — воскликнула Шарлотта, подходя к нему.

Люк уже преодолел стадию ужаса, который ему изначально внушала Шарлотта, однако она по-прежнему раздражала его, а ей доставляло огромное удовольствие действовать ему на нервы. Янис не стал садиться к столу, а снова стал за моим стулом и едва сдержал смех. Вместо того чтобы просто поздороваться с моим братом, Шарлотта ущипнула его за щеку.

— Ты действительно несносна, — сказал он с кривой ухмылкой.

— Вот так ты меня любишь, зайчик, да?!

Люк высвободился и налил ей вина.

— Спасибо за пойло!

Он уже готов был послать ее, но тут прорезался телефон. Судя по его выражению лица, звонила

бывшая жена. Люк отошел от нас. Янис проводил его сочувственным взглядом.

— Как ты думаешь, что на этот раз? Проблема с алиментами или очередная выходка близнецов? — спросила я мужа.

Он притянул меня к себе:

— Не знаю, но она доставала его весь день... В голове не укладывается, как можно так издеваться друг над другом, после того как была любовь и есть дети.

— У них никогда не было безумной любви, — вмешалась Шарлотта.

— Это ничего не объясняет, — возразила я. — Такая бодяга тянется уже несколько лет...

— Вы слишком требовательны. Не всем так повезло, как вам, — вы двое переживаете супружеские кризисы без особых последствий.

— Ну да, мы общаемся, обсуждаем разногласия! Не воображай, будто это всегда легко, у нас такие же проблемы, как у всех, — возмутилась я.

— Стоп-стоп, это что же, мне пора беспокоиться? — сладким голосом пропел Янис.

Я со смехом обернулась к нему.

— Оставь, Шарлотта! — прервал Люк, возвращаясь к столу. — Они настолько счастливы, что порой нагледят и даже не осознают этого. Может, так оно и лучше, кто его знает...

Он надел пиджак и взял неизменный кожаный портфель:

— Я ухожу.

Я отлепилась от мужа, слезла с высокого табурета и подошла к брату:

— Что происходит?

— Мне нужно встретиться с детьми. Получается, я виноват в том, что они прогуливают уроки в те дни, когда живут не со мной!

Он выглядел искренне раздосадованным.

— Когда они будут у тебя, приходите к нам на ужин, и я постараюсь с ними поговорить.

— Было бы неплохо...

Мне очень хотелось обнять брата, но я сдержалась. Нас с ним что-то не подпускает друг к другу с самого моего детства, какая-то застенчивость, что ли. Вероятно, не последнюю роль сыграли семь лет разницы в возрасте. Единственный раз, когда мы по-настоящему обнялись и расцеловались, так это в день моей свадьбы. Все три раза, когда я рожала, он был так смущен, что даже не переступил порог роддома. Я на него не обижалась — он такой, какой есть: жуткий педант и одновременно самый застенчивый и закрытый человек на свете. Только моему мужу иногда удавалось его расшевелить. Люк помахал рукой Шарлотте, сказал “До завтра” Янису и вышел, сгорбившись и не обернувшись. Виолетта уснула на диване. Ну а мальчики все чаще клевали носом, склонившись над игровыми приставками. Меньше чем за десять минут все было убрано, и в комнате стало относительно чисто. Завтрашний день не начнется с выволочки, устроенной братом Янису.

— Прости, — сказала я Шарлотте. — Ты пришла к шапочному разбору.

— Не волнуйся. Идите укладывайте своих малявок. Завтра встречаемся за обедом?

— Спрашиваешь!

Каждый вторник мы с Шарлоттой обедаем вдвоем, и ничто не в силах нам помешать — ни дождь, ни снег, ни ураганный ветер, ни даже болезнь и сорокаградусный жар. Мы выпиваем по бокалу белого вина и болтаем о мужчинах, сломанных ногтях и о том, когда мы наконец-то запишемся в спортзал. Эта традиция сложилась как-то сама собой, сразу после того, как она решила, что я ее кузнецик. Наша дружба началась с тура, который я ей организовала. До того как стать моей подругой, Шарлотта была одной из клиенток нашего турагентства, причем ужасной клиенткой, каждую секунду меняющей решения. Я положила конец ее колебаниям, пообещав устроить путешествие мечты, полное неожиданностей. Она осталась более чем довольна. На следующий день после возвращения — был как раз вторник — она пришла в агентство и пригласила меня на обед. С этого все и началось.

Уходя, она нас всех расцеловала, сжав до хруста в объятиях.

— Чао, чао, зайчики, — прокричала она, захлопывая дверь.

Янис взял Виолетту на руки, я помогла встать мальчишкам. Мы добрались до машины, припаркованной на соседней улице. Янис посадил Виолетту в детское кресло и пристегнул ее, извлек из-под дворника квитанцию на штраф и сел за руль. Протянул руку над моими коленями, открыл бардачок и сунул квитанцию к остальным, давно валяющимся там. Перед тем как включить зажигание, он нежно поцеловал меня.

— Сегодня был какой-то странный вечер, — заметила я.